

О СУЩЕСТВѢ ЗАКОНОВЪ,

ТВОРЕНІЕ
МОНТЕСКЬЕ.

Перевелъ съ французскаго

Дмитрій Нзыковъ.

*Членъ С. Петербургскихъ обществъ:
Филантропическаго и любителей наукъ,
Словесности и Художествъ.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Издатель Василій Сопиковъ.

МОСКВА,

1809 года.

ПРЕДУВЪДОМЛЕНІЕ

ОТЪ СОЧИНИТЕЛЯ:

1. Для почнаго понятія чепырехъ первыхъ книгъ сего сочиненія, надобно замѣтитъ, что называемое мною *добро-дѣтелью* въ республикѣ, есть любовь къ отечеству; то есть, любовь къ равенству. Она не есть добродѣтель нравственная, ни добродѣтель Христіанская, а добродѣтель *политическая*; и она-то составляетъ пружину, заставляющую двигаться республиканское правленіе, точно такъ, какъ *тестъ* составляетъ пружину, заставляющую двигаться монархію. Слѣдственно, я называлъ *политическою добродѣтелью* любовь къ отечеству и къ равенству. У меня были новыя идеи; почему и принужденъ я былъ находить новыя слова, или давать старымъ новыя значенія. Тѣ, которые сего не поняли, заставили меня говорить такія гнусныя вещи, которыя произвели бы омерзѣніе во всѣхъ земляхъ, потому что во всѣхъ земляхъ пребываютъ нравоученія.

2. Надобно замѣтитъ, что большая разница, естьли я скажу, что нѣкоторое свойство, измѣненіе души, или добродѣтель, не составляетъ пружины, заставляющей дѣйствовать какое ни-

будь правленіе, и есѣли я скажу, что его нѣтъ въ этомъ правленіи. Есѣли бы я сказалъ, что такое - то колесо, такая - то шестерня, не составляють пружины, приводящей въ движеніе сіи часы, то не уже ли изъ того можно заключить, что ихъ нѣтъ въ часахъ? Добродѣтели нравственныя и политическія не излючаются изъ монархіи, также точно, какъ и добродѣтель политическая. Словомъ сказать, честь находится въ республикѣ, хотя политическая добродѣтель составляетъ пружину оныя; политическая добродѣтель находится въ монархіи, хотя честь составляетъ пружину оныя.

Наконецъ, добродѣтельный человѣкъ, о которомъ говорится въ книгѣ III, главѣ V, не есть добродѣтельный человѣкъ Христіанскій, но добродѣтельный человѣкъ политическій, имѣющій политическую добродѣтель, о которой я говорилъ, то есть, человѣкъ, любящій законы своей земли, и дѣйствующій по любви къ законамъ своей земли. Я объяснилъ все это въ этомъ изданіи, утверждая еще болѣе идеи: и во многихъ мѣстахъ, гдѣ прежде употреблялъ я слово *добродѣтель*, теперь поставилъ: *политическая добродѣтель*.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Естьли бы въ безчисленномъ множествѣ вещей, находящихся въ сей книгѣ, случилась такая, которая, сверхъ чаянія моего, могла бы оскорбить кого, то по крайней мѣрѣ нѣтъ ни одной, которую написалъ бы я съ дурнымъ намѣреніемъ. Я отъ природы не склоненъ къ порицанію. Платонъ благодарилъ Провидѣніе, что онъ родился при Сократѣ; а я благодарю его за то, что оно произвело меня на свѣтъ въ правленіи, въ которомъ я живу, и за то, что оно хотѣло, чтобы я повиновался тѣмъ, которыхъ оно заставило меня любить.

Я прошу объ одной милости, въ которой боюсь, чтобы мнѣ не откажали, а именно, не судить по минутому чтенію о трудѣ двадцати-лѣтнемъ: надобно одобритъ, или осудитъ цѣлую книгу, а не нѣкоторыя слова. Естьли хотяшъ узнать намѣреніе сочинителя, то не лзя его иначе узнать хорошо, какъ въ начертаніи сочиненія.

Я разсмотрѣлъ сначала людей, и мнѣ показалось, что въ этомъ безчисленномъ разнообразіи законовъ и нравовъ, они управляются не одними своими прихотями.

Я положилъ начала, и увидѣлъ, что частные случаи подходили подъ нихъ,

какъ будто сами собою, что исторіи всѣхъ народовъ составляютъ только слѣдствія оныхъ, и что каждый частный законъ связанъ съ другимъ закономъ, или зависитъ отъ другаго болѣе общаго.

Обращаясь къ древности, я старался искупать духъ оныя, дабы случаи, дѣйствительно различные, не почеслись подобными, и не пропустишь различія тѣхъ, которые кажутся подобными.

Я не заимствовалъ своихъ началъ отъ своихъ предразсудковъ, но отъ свойсства вещей.

Здѣсь многія истины будутъ ощутительны не иначе, какъ осмопрѣвъ всю цѣпь, связующую ихъ съ другими. Чѣмъ болѣе будешь размышлять о подробностяхъ, тѣмъ болѣе почувствуешь точность началъ. И сіи самыя обстоятельства не всѣ мною представлены; ибо кто можетъ высказать все безъ смертельной скуки.

Здѣсь не найдешь тѣхъ острыхъ словъ, которыми, важеясь, ошличаются нынѣшнія шворенія. Разсмотрѣвъ вещи повнимательнѣе, остроша исчезаетъ; она обыкновенно рождается отъ того, что умъ кидается весь въ одну сторону, оставляя все прочее.

Я пишу не для того, чтобы хулить учрежденное въ какой бы то ни было землѣ. Каждый народъ найдетъ здѣсь причины своихъ правилъ; а изъ сего естественнымъ образомъ выйдетъ по слѣдствію, что предлагать о перемѣнахъ могутъ только тѣ, которые родились такъ счастливо, что однимъ взоромъ генія проникающъ всю конспирію цю державы.

Не лъзя сказать, чтобы не было пользы въ просвѣщеніи народа. Предразсудки народоправителей начались бышъ предразсудками народа. Во время невѣжества, не имѣютъ ни малѣйшаго сомнѣнія ни въ чемъ, даже и тогда, когда производятъ величайшее зло; во время просвѣщенія, шрепещутъ еще и тогда, когда производятъ величайшее добро. Чувствуя старый вредъ, видятъ лекарство оиъ него; но видятъ также и вредъ самаго лекарства. Оставляютъ зло, если боятся худшаго; оставляютъ добро, если сомнѣваются въ лучшемъ. На часши взираютъ для того только, чтобы судить о цѣломъ; разсматриваютъ всѣ причины, чтобы видѣть всѣ слѣдствія.

Если бы я могъ сдѣлать то, чтобы всѣ люди имѣли новыя причины любить свой долгъ, своего государя, свое отече-

ство. свои законы; чтобы могли лучше чувствовать свое блаженство въ каждой землѣ, въ каждомъ правленіи, въ каждомъ мѣстѣ, гдѣ кто находится; тогда я почелъ бы себя счастливейшимъ изъ смертныхъ.

Если бы я могъ сдѣлать то, чтобы повелители умножили свои познанія о томъ, что они должны предписывать, а повинующіеся находили новое удовольствіе въ повиновеніи, тогда я почелъ бы себя счастливейшимъ изъ смертныхъ.

Я почелъ бы себя счастливейшимъ изъ смертныхъ, если бы могъ сдѣлать, чтобы люди оставили свои предразсудки. Я называю здѣсь предразсудками не то, чтобы не знать нѣкоторыхъ вещей, но то, чтобы не знать самаго себя.

Стараясь о просвѣщеніи людей, можно только исполнять ту общую добродѣтель, которая заключаетъ въ себѣ любовь всѣхъ. Человѣкъ, это гибкое существо, принимая въ обществѣ мысли и впечатлѣнія другихъ, равно способенъ познавать собственную свою природу, когда ему показываютъ, и теряеть даже чувствіе объ оной, если отъ него ее сокрываютъ.

Нѣсколько разъ принимался я за это сочиненіе, и нѣсколько разъ бросалъ его;

нѣсколько разъ бросалъ я на вѣтеръ (а) листы, мною писанные; каждый день чувствовалъ, что опускались руки родительскія (б); я слѣдовалъ моей цѣли, не составляя начертанія; не зналъ ни правилъ, ни исключеній; опыскивалъ истину для того только, чтобы потерять ее: но нашедъ свои начала, увидѣлъ я, что все опыскиваемое мною пришло ко мнѣ; и въ теченіе двадцати лѣтъ, видѣлъ я, что сочиненіе мое началось, возрастало и кончилось.

Еслили это сочиненіе получитъ успѣхъ, то за это много обязанъ я буду величію моего предмета: однакоже не думаю, чтобы я совсѣмъ не имѣлъ дарованія. Увидѣвъ написанное до меня споль многими великими людьми во Франціи, Англіи и Германіи, я пораженъ былъ удивленіемъ; но не потерялъ духа: *и я также живописецъ* (в), сказалъ я съ Корреджіемъ.

(а) Ludibria ventis.

(б) Bis patriæ cecidere manus.

(в) Ed io anchor son pittore.

К Р А Т К О Е И З В Ъ С Т І Е
о жизни Г. Монтескье.

Шарль де Секондато, барон Бредский и Монтескье, старший президент à Мортъе (*) въ парламенти Бурдосскомъ, членъ Французской академіи, королевской Прусской академіи наукъ и словесности, и королевскаго Лондонскаго ученаго общества, родился въ замкѣ Бредскомъ, близъ Бурдо, 18 Генваря 1689. Онъ происходилъ отъ одного благороднаго рода изъ Гіенны. Отецъ его, бывшій также президентомъ à Мортъе въ томъ же парламентѣ, имѣлъ многихъ дѣтей.

Шарль де Секондато, очень рано началъ показывать то, чѣмъ онъ долженъ быть, и отецъ его употребилъ всѣ средства къ образованію ума его. На двадцатомъ году, юный Монтескье приготовлялъ уже припасы для Существа Законовъ, дѣлая обстоятельныя выписки изъ многочисленныхъ книгъ, составляющихъ собраніе права гражданскаго. Но наука правовѣденія, столь сухая для многихъ, но не для Монтескье, потому что онъ

(*) à Мортъе, такъ назывались въ старинныхъ Французскихъ парламентахъ нѣкоторые президенты, по круглой, черной бархатной шапкѣ, обложенной сверху широкимъ золотымъ галуномъ, которую они носили,

занимался ею какъ философъ, недоста-
точно была для обширности и дѣятель-
ности его генія: розыскывалъ въ то же
время вещи гораздо важнѣйшія и пруд-
нѣйшія (*), и размышлялъ о нихъ въ
безмолвіи съ мудростію, пристойностію
и справедливостію, которыя послѣ вид-
ны были въ его сочиненіяхъ.

Дядя его съ опцовской стороны, пре-
зидентъ à Мортье, въ парламентѣ
Бурдосскомъ, лишась единороднаго сво-
его сына, оставилъ Г. Монтескье и
имѣніе и чинъ свой.

3 Апрѣля 1716 принятъ онъ былъ чле-
номъ Бурдосской академіи, которая толь-
ко что основалась. Вкусъ къ музыкѣ и
сочиненіямъ, только что пріятнымъ,
были сначала причиною основанія оной.
Монтескье основательно думалъ, что
возраждающееся рвеніе и дарованія его
сочленовъ, могли бы, съ гораздо большею
выгодою, заниматься физическими
предметами. Онъ былъ увѣренъ, что
природа, ешль достойная быть наблю-
даемою повсюду, находила также вездѣ
глаза, достойные взирать на нее; на-
прошивъ чего, сочиненія, относящіяся

(*) Сочиненіе въ письмахъ, которымъ онъ до-
казывалъ, что многіе идолопоклонники, ка-
залося, не заслуживали вѣчнаго осужденія.

единственно ко вкусу, не терпя посредственности, а столица, будучи въ этомъ родѣ, средоточіемъ просвѣщенія и вспомоществованія, очень трудно было собрать, въ отдаленіи отъ нее, достаточное число отличныхъ талантовъ. Въ счастію, герцогъ Форскій, основавъ въ Бурдо награжденія за рѣшеніе задачъ, способствовалъ споль основательному и благоразумному намѣрекію. Разсудили, что хорошо произведенный опытъ будетъ гораздо лучше слабаго разсужденія или дурной поэмы; и городъ Бурдо получилъ академію наукъ.

Моншескье, ни мало не спѣша показываться свѣту, казалось, ожидалъ, какъ говоритъ одинъ великаго ума человекъ, зрѣлыхъ лѣтъ, чтобы писать. Не прежде 1721 г., то есть, имѣя тридцать два года отъ роду, издалъ онъ *Персидскія письма* (*). Не смотря на успѣхъ, полученный симъ сочиненіемъ, Моншескье не объявилъ себя явно творцемъ онаго. Можетъ быть, симъ способомъ, думалъ онъ легче избѣжать отъ сатиры, которая щадитъ болѣе безвѣстныхъ сочиненія, пошому что нападаетъ всегда на творца, а не на твореніе. Можетъ

(*) Переведены на Россійскій языкъ два раза и напечатаны въ Спб.

быть также боялся онъ, что нападуть на мнимую противоположность Персидскихъ писемъ съ важностію его званія. Какъ бы то ни было, но тайна его была открыта, и публика назначала уже его членомъ Французской академіи, и не смотря на клевету, спаравшуюся очернить Персидскія письма, онъ принятъ былъ 24 Генваря, 1728.

Новый академикъ былъ тѣмъ достойнѣе сего званія, что за нѣскольکو времени до сего отказался онъ отъ всякаго другаго дѣла, чтобы совершенно предаться любимому своему упражненію. Какъ ни важно было занимаемое имъ мѣсто, и съ какимъ бы познаніемъ и праводушіемъ ни исполнялъ онъ должности онаго, онъ чувствовалъ, что были предметы достойнѣйшіе его занятія; что гражданинъ обязанъ своему народу и человечеству всемъ тѣмъ добромъ, которое онъ сдѣлать въ состояніи, и что онъ будетъ гораздо полезнѣе для шого и другаго, естли будетъ наставлятъ ихъ своими сочиненіями, нежели разбирая въ неизвѣстности какую-нибудь частную тяжбу. Все это заставило его продать свой чинъ; онъ пересталъ быть судьей и посвятилъ себя единственно наукамъ.

Но чтобы сочиненіями своими доставить пользу различнымъ народамъ, ему

надобно было знать ихъ. Имянно для сего вознамѣрился онъ путешествовать. Цѣль его состояла въ томъ, чтобы повсюду разсмотрѣть физическое и нравственное состояніе земли, изучиться законамъ и конституціи каждой изъ нихъ; познакомиться съ учеными людьми, писателями, славными художниками; а особливо отыскивать тѣхъ рѣдкихъ и необыкновенныхъ людей, коихъ знакомство замѣняло иногда многіе годы наблюденій и изысканій.

Съ симъ-то намѣреніемъ отправился онъ сперва въ Вѣну, откуда проѣхалъ онъ осмотрѣть Венгрію. Изъ Нѣмецкой земли переѣхалъ онъ въ Италію; былъ въ Венеціи, въ Римѣ, и во всѣхъ мѣстахъ сея любопытныя страны. Осмотрѣвъ послѣ Швейцарію, Нидерланды и Англію, гдѣ прожилъ онъ два года, наконецъ возвратился онъ въ свое отечество. Какъ онъ ничего не разсматривалъ съ восхищеніемъ предубѣжденнаго человека, ни съ строгостію Циника, то путешествія его не вселили въ него оскорбительнаго презрѣнія ни къ чужеземцамъ, ни къ собственной своей землѣ. Изъ наблюденій своихъ онъ вывелъ то слѣдствіе, что по Германіи хорошо путешествовать, въ Италіи пробыть нѣсколько, въ Англіи размышлять, а во Франціи жить.

Окончивъ свое путешествіе, Монтескье прожилъ два года въ Бредскомъ своемъ помѣстьѣ, гдѣ окончилъ твореніе свое *О причинахъ величія и упадка Римлянъ* (*), появившееся въ свѣтъ въ 1734.

Накую бы Монтескье ни приобрѣлъ себѣ славу своимъ послѣднимъ сочиненіемъ и тѣми, которыя онъ написалъ прежде, онъ только что проложилъ себѣ путь къ гораздо большому предпріятію, къ тому, которое должно имя его сдѣлать бессмертнымъ и почтеннымъ для будущихъ вѣковъ. Онъ давно уже составилъ начертаніе оному; занимался двадцать лѣтъ приведеніемъ его въ исполненіе, или, лучше сказать, онъ занимался онымъ во всю жизнь свою. Сперва онъ сдѣлался нѣкоторымъ образомъ чужеземцемъ въ собственномъ своемъ отечествѣ, дабы узнать его лучше; потомъ онъ проѣхалъ всю Европу, и внимательно замѣчая различныя народы, въ ней обитающіе. Славный островъ, столь много гордящійся своими законами, и столь худо пользующійся оными, былъ для него только то, что нѣкогда для Ливурга островъ Критъ, гдѣ онъ умѣлъ научиться, не выхваляя всего. Наконецъ,

(*) Переведено на Россійскій языкъ и напечатано въ Спб.